

19.12.92

ТЕАТР НА ТАГАНКЕ — наша легенда, дерзкая, парадоксальная. Если, по счастью, у тебя оказался билет к Любимову, завидовали знакомые, тебя ловили у входа, не продашь ли «лишний». Все хотело пойти на яркое действие, разыгрываемое актерами по волшебному повелению Мастера. Зрители наизусть знали Шекспира, Брехта, Маяковского, Трифонова, Абрамова, шли сюда, чтоб увидеть преображение дерзновенного СЛОВА в СПЕКТАКЛЬ. Стиль режиссера мирового масштаба Юрия Любимова непредсказуем, как непредсказуема крупная личность.

Осиротев без Высоцкого и Любимова, театр увядал и пошел в ряд обычных московских театров. Увы, увы. Коридоры власти не улучшают человека, не одаривают его художественными открытиями, а чаще — приспосабливают к своим низким коридорным страстям, развивают кабинетную гигантоманию.

РАЗДЕЛ
СИЛЮСЬ припомнить, что создал руководителем труппы и министр Н. Губенко на театре, но ничего на ум не приходит. Нынче несколько актеров (к сожалению, среди них и талантливый Леонид Филатов), а также изрядное количество технического персонала — уборщицы, билетеры, гардеробщики — за Губенко и в огонь, и в воду, и в его половинку «Таганки».

Чиновникам всего проще договориться. И летит в Моссовет на имя Н. Н. Губенко письмо от группы актеров с жалобой на Любимова: «Мы не хотим перечислять все обиды, сердечные боли и унижения, выпавшие на нашу долю после того, как помешали Юрию Петровичу Любимову и Гавриилу Харитоновичу Попову заключить контракт за спиной коллектива и при негласной поддержке целого ряда высокопоставленных чиновников (И. В. Булгаев, Г. Попов, вице-премьер А. Шохин и другие), который давал бы Ю. П. Любимову право на приватизацию здания Театра на Таганке совместно с его зарубежными партнерами».

Читаю контракт, заверенный печатью, — ни о какой приватизации там ни слова. Но надо было придумать что-нибудь крамольное, чтобы стереть в порошок такого непонятливого Любимова.

Из решения президиума Московского городского Совета народных депутатов: «О Театре на Таганке»: «...принять необходимые решения по выделению (!) театра и разделению имущества Театра на Таганке между двумя театрами...».

Невиданная щедрость. Талантливейший Анатолий Васильев ютился в чужом подвале со своим театром, парадоксальный Роман Виктюк до недавнего времени вообще не имел своего театра. А тут — ни труппы, ни спектаклей, ни театральных идей... И нате вам, дорогие товарищи, поклонники Губенко!

Иду к Любимову.

ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ, вы приехали в страну при Горбачеве. Вы тогда ставили оперу Вагнера «Тангейзер» в Штутгарте. В Москве вам когда-нибудь предлагали поставить оперу?

— Мне никто здесь не предложил — предложили немцы. За рубежом я не только оперы — балет умудрился поставить...

Вспоминаю художественный совет — во время первого моего приезда в Москву ко мне подошел журналист Минкин, спросил разрешения присутствовать. Я согласился. Но его жестом остановил Губенко: «Вам нельзя». — «А мне разрешил Юрий Петрович», — сказал корреспондент, на что услышал: «Юрий Петрович здесь не хозяин!».

— Да, жест министерский, хотя еще министром не был, — партийный жест. — Я встал, чтобы тут же улечь обратно. Думаю, тот мой порыв — уехать — был правильным. Но мне стало неудобно перед пришедшими. Были здесь Альфред Шнитке, историк Юрий Афанасьев, Юрий Карякин, Эдисон Денисов — интересные и дорогие мне люди... Но все-таки я теперь жалею, что не уехал. Никто не понял тогда, почему я стою и раздумываю, — а я раздумывал, уехать бы... Может быть, приехав через год, я сделал бы больше.

— Целых два года Николай Николаевич хозяйничал на Таганке и что же успел поставить?

— Ни одного спектакля! Губенко востанавливал Высоцкого и был потом разгневан чрезвычайно на то, что я выбросил его пионеров и все добавления. «Бориса» я восстановил сам, где Губенко играл Годунова.

ВИДЕЛЕНЦЫ
АВТОРЫ письма в Моссовет сообщали властям, что выбирают своим художественным руководителем Н. Н. Губенко. Подписантов — одиннадцать человек. Только И. Филатов широко известен. Другие имена — не музыка для слуха. Но стоишь фамилия И. Ульяновой встречалась в скандальных статьях о вояже «таганковцев» по азам русской эмигрантской Америки. Газета «Русское слово» в апреле сего года напечатала статью Веллы Евзерской. Она начала с любопытной рекламы: «Самый известный театр на Западе — московский Театр на Таганке представляет один из лучших спектаклей последнего театрального сезона — комедию «Муж приезжает в выходные дни». Вы хорошо знаете — не было такого спектакля. А на американской афише — ни имени режиссера, ни имени актеров, только жирным шрифтом — «ЮРИЯ ЛЮБИМОВА». Добродушные старые русские эмигранты выкладывали свои 12 пенсионных долларов, чтоб увидеть обыкновенную халтуру. «Это была заурядная художественная самодельность», — писала американская пресса. И. Ульянова вместе с В. Щельбиным катала по городам США, собирая доллары на имени Любимова.

В архиве театра сохранилось заявление вышеназванных актеров на имя Любимова — чтоб им разрешили поехать в Восточный университет «с литературно-театральной программой». Разумеется, никакого отношения к концертам, а тем более гастролям театра и вообще коммерческой цели эта поездка не имеет. Поверьте, нам бесконечно дорог наш театр и мы не сделаем ничего, что могло бы скомпрометировать марку Театра на Таганке».

Еще как скомпрометировали! Американская публика была обманута самым примитивным образом. Вот и верьте письма актеров в Моссовет, где второй стоит подпись И. Ульяновой! В этом образчике совкового эпистолярного искусства есть интересная подробность — дескать, за разделение театра на профсобрании проголосовало 54,6 процента. Эта цифра оказалась подложной. И Моссовет, не обсудив проблему с художественным руководителем театра Ю. П.

Любимовым, утверждает раздел.

группу ведущих актеров, желающих со мной работать.

ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ ПОПУТАЛА
— ВАШИ оппоненты любят намеки — мол, вы продадите театр или продадите западному «денежному мешку»?

— К сожалению, у меня нет «денежного мешка», но зарабатывать я должен, чтобы прокормить свою семью. А сейчас я делаю все возможное, чтобы и жалобщиков кормить.

— Кого вы выгнали из театра? Кого из актеров уволили — об этом в жалобном письме есть строка.

— К сожалению, я никого за 30 лет не выгнал. Советский закон не позволяет это делать.

Никто не помог навести в театре элементарный порядок, чтобы здесь не было из этих «тараканов».

НЕ РЕЖЬТЕ ПО ЖИВОМУ

Юрий Любимов: «Создайте свой спектакль, и Москва вам станет рукоплескать».

Юрий Любимов: «Создайте свой спектакль, и Москва вам станет рукоплескать».

вот: «Нет, ничего не нашли». Приходит вторая.

— А что они ищут? Какой-то документальный подлог?

— Ну там — в бухгалтерии. Может, вот я кресло из кабинета украду? Мало ли что они ищут! Вы их спросите, что они ищут. Они ищут... склоки, чтобы люди не могли работать нормально. Как этот съезд злуполучный идет, идет, вместо того, чтобы работать, они дерутся и думают, что им будут верить. Ведь это же смех — выступает депутат и говорит — кто не явился на заседание, давайте лишим их сутошных. Говорится эта гениальная фраза на весь мир!

— А каков спикер — собравшись по съезду величал тараканами.

— В этом есть доля истины. Но ведь и он из этих «тараканов».

— Юрий Петрович, вас упрекали, что вы, всегда стоявший в оппозиции к правительству, вроде бы ищете защиты у правительства...

— Меня для разговора о театре приглашали господин Шохин и господин Бурбулис. Я показал им все документы. Никакого толку.

— А что говорит Губенко тем, кто его намекает избрать худруком?

— А он говорит им — зарплату вы будете получать у Любимова. Цеха делить не надо — они будут работать и на него, и на нас. Они снисходительно вещают: «Приоритет мы ему оставим», — о своих бедах Юрий Петрович говорит спокойно.

— Да, сейчас несчастный для страны период лжи, предательства, воровства и полной безответственности. А в этой атмосфере все можно. Они пишут, что я увольняю актеров, а я уволил только ведущего постановочной частью, потому что он ничего не делал, безобразничал, пропадали вещи — просто это подсудное дело. Это мое право уволить, если человек не представляет художественной ценности. Я просто не хочу с ним работать. И вообще, с каких пор определяют искусство большинством голосов? Добиваясь раздела театра, почему ни один человек не задал мне вопрос: а зачем мне все это надо? Ведь я не вошел в этот дом, когда мне стало 75 лет. Чужой, финский театр устроил мне встречу.

Да, перед нами горькая история русского театра. Был Театр Вахангова, Театр несчастного расстрелянного мастера Мейерхольда... Я же пришел не в готовый театр — пришел сюда со своими учениками. И со спектаклем «Добрый человек...».

— Я никак не могу понять, почему Леонид Филатов выдвинул на первую строчку в жалобном письме актеров?

— Он просто выбрал себе роль благородного защитника...

— Обездоленные?

— Они не обездоленные. Филатов прибегает в театр между съемками и халтурами. Он здесь фактически не работает. Если бы он работал здесь, тогда он мог бы с правом говорить. Тут он то раскаивается, то ему стыдно за свое поведение. А как закнутый его эти бесы, опять начинают играть роль соловья — разбойника, упиваясь собственным красноречием. Это же просто неприлично. Если вы хотите работать — создайте спектакль, и Москва вам станет рукоплескать.

— А правда ли, что вы, Юрий Петрович, вызвали милицейский отряд, чтобы помешать славному Губенко сыграть в спектакле памяти Высоцкого, о чем написано в жалобном письме?

— Все это вранье. Губенко у нас уже не работал. Но вдруг он захотел обязательно играть и стал врываться в театр силой, приводя с собой какую-то дикую толпу, которая орала; работала телевизионные камеры. Ведь это же огромные деньги! Камеры снимали несчастного страдальца и героя, который рвется сыграть своего друга! Никаким другом Высоцкого он не был. Вы прочтите стенограммы, как выступал Губенко. Что-то вроде: «Дорогой Леонид Ильич, вы разберетесь...». Я понимаю: он юлил. Все юлили.

— По стране шел слух, что Губенко хлопотал, чтобы Мастер вернулся. И вот вы вернулись...

— Может, я в эту клоаку и возвращаться не должен был. Деда моего арестовали в 80 лет. Отца моего арестовали, мать арестовали. Тетку арестовали. Мы остались втроем. Дети. Это родина? Эта родина убила всех своих лучших сынов.

— Юрий Петрович, все это так. Но ведь какая-то внутренняя сила заставила вас сюда вновь приехать.

— Я не могу, чтобы разбойники грабили мой дом, который я тридцать лет создавал. Вот и все. Считаю их бесчестными,

бессовестными людьми, может, запутаем. Но отвечу вам (вы говорили об «обездоленных») — они вовсе не в бедственном положении. На гастролях они зарабатывали по несколько тысяч долларов. Надеюсь, вы прочли, что сделали эти люди с моим именем в Америке? А как они халтурят в своих «бригадах». Стыдно это смотреть. Ведь это идет полное разложение — нравственное, профессиональное. отсутствуют элементарная порядочность, дисциплина. Так нельзя ни жить, ни работать. И получается: даже подписав с мной контракт, уважаемые власти не выполняют договор. Что творят со мной сейчас, совсем не отличается от того, что со мной делали власти в брежневские времена.

— От старых властей вы ничего другого и не ждали. Ваши спектакли сокращали шагреновую кожу коммунистической идеологии...

— Когда мы на Западе говорим, что здесь творится, нам отвечают: «Вы обижены, вы не объективны». Господин Губенко ведет себя вполне определенным образом. Сначала попросил меня принять его; пришел и стал хамить. И после небрежно предложил мне: «Может, вернемся к этому вопросу?». Я сказал: «Нет. Осенью, возможно, сумеем переговорить». Но после этого он сделал такие акции, что никакие переговоры с этим господином вести не буду. Меня все уговаривают. Сейчас любят уговаривать — все такие добрые стали: «Примиритесь. Покжите друг другу руки». Что из этого рукопожатия на практике выйдет — я хочу посмотреть. Да и все видели подобные рукопожатия по «ящику».

— А какое же здание хочет получить Губенко — новое или старое?

— Лучшую часть. Он же говорит, что ему неудобно брать мой кабинет.

— Стены вашего кабинета в автографах великих. Никто не заснял на пленку осклки их гения?

— Десятки раз. Даже власти, выгнавшие меня, понимали, что разрушить это неудобно. Здесь и Лоренс Оливье, и Бельи, и Артур Миллер, и Солженицын, и Давид Сикейрос, и Гуттузо — вот кулан нарисовал. И Кастро. И Эрнст Неизвестный на двери руку изобразил, которая плачет. Дверь хотели даже убраться!

— Любопытно, чем украсит свой кабинет Губенко?

— Владимиром Ильичом и Михаилом Сергеевичем.

— Говорят, всяк входящий в его министерские апартаменты наткался на карточку. Он с женой и Михаил Сергеевич с Ранисой Максимовной, чтоб сразу огорчить: знай, с кем имеешь дело! Мне вспоминается один эпизод: была я корреспондентом от «МК» на совещании молодых кинематографистов в Доме кино. Молодой Андрей Тарковский, красивая, как Диана, Лариса Шепитько... Встает Губенко и громко возмущается, что его КГБ не пускает за границу: «Они разыскали моего брата в тюрьме, а я про это даже не знал». Андрей Тарковский с удивлением заметил: «Кто, почему же КГБ должен разыскивать твоего брата, а не твоя сам?». Коля сразу как-то смик.

— Детдомовцы — особые люди, — это «верные Русуляны». Но нет правил без исключений.

— Юрий Петрович, вы сейчас здесь один, без семьи?

— А вы хотите, чтобы все это безобразия я показывал ребенку 13 лет? Или жене — венгерке, чтобы увидела все это, еще раз отсюда уехала?

— А кто о вас здесь заботится?

— Сам. Помогает сестра моя, Наталья, которой 70 лет.

— Все предусмотренное контрактом вы, конечно, выполните. А вот как же с нарушением условий со стороны московских властей?

— А меня они не интересуют. Поеду в Цюрих и буду судиться.

— Я слышала о письме к Борису Николаевичу Ельцину нескольких представителей творческой интеллигенции Москвы — они просят разделить театр. Это верно, что его подписал и замечательный актер Каллягин?

— У Каллягина ко мне особый счет: он репетировал Галилея, а играл Галилея Высоцкий. Каллягин поддерживает эту группу людей, видимо, наиврашиваясь Лянина. Они сошлись на Ленине. Оба играли и подали руки: Ленин — Ленину.

ВО ИМЯ ЧЕГО?
ГОСПОДИ, какую же тяжкую долю ты уготовил талантливым людям в России. Когда-то таганковцы, ушедшие в «Современник», бестактно и бездарно поносили со сцены Эфроса. Теперь не успеются, пока не доведет до инфаркта Любимова. Во имя чего эта кровавая баталлия? Каково читать фразочку из письма одиннадцати таганковцев в Моссовет: «Мы желаем Юрию Петровичу Любимову здоровья и творческих успехов, мы желаем нашим сослуживцам, которых Юрий Петрович зачислил в свою труппу, удачи и благополучия, оставляя ему право выбора любой из сцен нашего театра. Просим вас предоставить нам возможность начать работать?».

Словом, ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. Неужели сгрызут и не покраснеют?

За кулисами я столкнулась с артистом Борисом Хмельницким. «Ну каково?» — говорю. Улыбнулся: «Двух театров на Таганке быть не может. Только один — Любимовым». Главный художник театра Давид Боровский взглянул на конфликт изнутри: «Если под одной крышей будут два театра — это второй Карабах».

Горько все это. Мастер приехал ради творчества — не мешайте ему.
Наталья ДАРЫКИНА.